

УЛЬЯНА ГРИНЬ

ФИКТИВНАЯ
ЖЕНА
ГЕРЦОГА САНСИ

Ульяна Гринь

Фиктивная жена герцога Санси

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69141523

SelfPub; 2024

Аннотация

Ненавистный, гнусный, отвратительный. Герцог де Санси, принц крови. Мой личный враг. Он посмел забрать последнее, что у меня и моей семьи осталось из наследия предков – родовой замок. Сдаться? Это не про меня! В ответ я заберу у него всё, чем он владеет. Даже если для этого придётся выйти за него замуж. Как? Поживём – увидим. Доживём – узнаем. Первая часть дилогии. Вторая часть в работе.

Содержание

Аннотация:	5
Глава 1. Замок Лансель	6
Глава 2. В дорогу!	23
Глава 3. Неожиданное препятствие	38
Глава 4. В поисках незнакомого человека	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ульяна Гринь
Фиктивная жена
герцога Санси

Аннотация:

Ненавистный, гнусный, отвратительный. Герцог де Санси, принц крови. Мой личный враг. Он посмел забрать последнее, что у меня и моей семьи осталось из наследия предков – родовой замок. Сдаться? Это не про меня! Я заберу у него всё, чем он владеет. Даже если для этого придётся выйти за него замуж.

Как?

Поживём – увидим. Доживём – узнаем.

Глава 1. Замок Лансель

Замок сиял в лучах восходящего солнца.

Это явление я наблюдала каждое утро, когда шла с реки к дому, таща два полных ведра воды. Прекрасное творение мастеров седьмого века, обветшалое и покрытое вездесущим мхом, вызывающее теперь лишь жалость и тоску, всё же могло привлечь взор блеском своих окон и старой, но ещё целой черепицей. Папенька часто говорил с гордостью за предка, герцога Ланселя – доброго гения короля Сидвика, что магия замка ещё многие века будет привлекать внимание проезжающих мимо путников.

Со вздохом я поставила ведра на землю, потрясла ладонями, которые занемели от тяжести, поудобнее перехватила верёвочные ручки и снова потащила воду вверх по тропинке, выющейся между вековых лип. Пьянящий сладкий запах едва распустившихся соцветий привлекал пчёл. Те вились, деловито гудели, торопились собирать липовый нектар. Надеюсь, в этом году будет много мёда... Первое дело при простуде, а в чай ложечку – сказка, и никакого дорожного сахара не надо!

Что же приготовить на обед?

Жаннина вчера обмолвилась, что Пеструшка плохо несётся. Постарела курочка, надо бы её в суп. И попробовать обменять что-нибудь ненужное на пару цыплят или хотя бы пе-

тушка... Неурожай прошлого лета оставил нас в очень невыгодной ситуации: и с крестьян брать негоже, и у самих в закромах пусто. Даже мыши сбежали в поисках лучшей жизни! Хоть бы и правда мёда собрать побольше, тогда можно будет Ивона отправить в Монс на ярмарку... Да, решено. Пеструшку на супец, а я схожу в замок и возьму из тайной комнаты пару гобеленов. Мсьё Ланье давно спрашивал про них, да только цену так занизил, что продавать не хотелось. Он в своём праве, однако я всё ждала лучшего предложения. Жалко за несколько экую отдавать вещи, которые стоят намного больше!

Прикинув в уме, я подумала, что за один гобелен смогу выторговать трёх цыплят. А за второй куплю петуха. Так и обновлю поголовье кур, а то останемся без яиц.

Дробный топоток босых ног заставил поднять голову. По тропинке вниз к реке бежали трое мальчишек. Мои братишки Луи и Николая, а с ними деревенский, Матью. У всех троих дочки в руках, а у Матью ещё и старенькая бадья.

Я остановилась, радуясь неожиданному отдыху, и братья затормозили, едва не врезавшись в меня. Луи воскликнул:

– Сестрица, там интендант приехал! Корову собрался увести!

– Как корову?!

Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить, какое сегодня число. Нет, ещё рано! До уплаты налога ещё целых десять дней! Я рассчитывала на продажу ткани, которую мы с Жанниной и

девочками ткали всю зиму! А продажа в Меривилле начнётся только через три дня!

Бросив вёдра, я крикнула Луи:

– Донесёшь до дома!

И бросилась наверх, подобрав юбки, чтобы не запутаться и не упасть.

Тяжело дыша, я ворвалась во двор маленькой усадьбы привратника, которую мы занимали с тех пор, как оставили замок, и метнулась напрямик к интенданту. Высокий сухопарый мужчина с роскошными усами, одетый в форму королевской налоговой службы, стоял, заложив руки за спину, и наблюдал, как его помощник выводит из сарая Мызку, нашу кормилицу. Та мычала, отчаянно мотая башкой, и отказывалась идти куда бы то ни было. Вцепившись в хвост коровы, Жаннина, моя старая кормилица и служанка, вырастившая всех детей де Клери, рыдала в голос и причитала высоким визгливым речитативом:

– Да на кого ж вы нас оставляете?! Кто ж нас кормить-то будет?! Подождите хотя б хозяйку! Мы ж заплатим вам налог! Как же мы с малыми детишками без коровы-то?!

– Господин интендант! – вступила я, и Жаннина сразу же заткнулась, но коровий хвост не выпустила. – Вы не имеете права забирать моё имущество до официального дня сбора налогов! Оставьте немедленно корову, иначе я буду жаловаться в королевский суд!

– Дама де Клери, – интендант окинул меня слегка презри-

тельным взглядом и ответил предельно вежливо: – У меня есть сведения, что вы задолжали короне налоги с прошлого года, а на них наложилась пеня, которую вы не сможете выплатить, даже если продадите этот дом. Посему прошу не мешать мне выполнять свои обязанности.

– Какие налоги с прошлого года? – растерянно уточнила я. – У нас всё было уплачено, извольте свериться с реестром!

– Король ввёл дополнительный налог на владение замками, поэтому вы, дама де Клери, должны три луидора сбора и пять луидоров пени с прошлого года. У вас имеется восемь луидоров?

Внутри меня всё похолодело. Восемь луидоров... Это невысказанная сумма для Клери, у которых за душой нет абсолютно ни гроша. Налог на владение замком... Какая восхитительная глупость! Ведь замок существует только на пергаменте, а на самом деле это практически руины, в которых даже нельзя жить!

Жаннина смотрела на меня так жалобно, что в сердце что-то оборвалось. Без коровы нам никак, совсем никак! Ведь часть молока идёт на масло и сыр, которые мы продаём, а деньги на уплату всё тех же налогов...

– Господин интендант, – мои руки дрожали, когда я решилась на уговоры, и пришлось спрятать их за спину. – Прошу вас подождать хоть немного, будьте так любезны! Я уверяю вас, что к концу недели я найду восемь луидоров, чтобы заплатить дополнительный королевский сбор.

Интендант хмыкнул и спросил с издёвкой в голосе:

– Где? Где вы найдёте такие деньги за четыре дня?

– Я найду, – ответила твёрдо. Нельзя пасовать перед трудностями. Я Мариола де Клери, герцогиня де Монтферрас и де Лансель, старшая в семье, наследница замка, земель и титула. Я умру, но найду деньги.

Впрочем, корову интендант всё же забрал. Пообещал, что вернёт в обмен на восемь луидоров. А Жаннина, когда он ушёл, пробормотала:

– Больно дорогая бурёнка получается... На ярмарке молодую корову можно за четыре луидора купить.

– Ты же понимаешь, что дело не в корове, – с досадой бросила я. – Дело в том, что нас хотят выжить с собственных земель, Жаннина. Я больше чем уверена, что новый налог на замок – это просто предлог.

– Девочка моя, Мариола, как же мы теперь? Где же ты достанешь столько денег?

Я не ответила. Да и что отвечать, если я не знала, к кому податься, чтобы попросить в долг. Бес с ними, с цыплятами, я попробую продать все гобелены и кое-какую посуду из тех, что заперты в тайной комнате замка. Да, это наше наследство, но к чему оно, если к завтраку нет молока? К чему наследство из старых пылящихся вещей, если детям негде будет жить и не на чём спать?

– Где Каролина? – спросила у няньки. Жаннина махнула рукой куда-то на дом:

– С девочками шьёт. Позвать?

– Да, позови. Мы пойдём в замок.

– Святая Мадонна, зачем?! – ужаснулась нянька, всплеснув руками. Я похлопала её по плечу:

– Милая Жаннина, не надо так бурно реагировать. Заберём немного вещей, продадим мсьё Ланье и заплатим этому живоглоту налог.

Она принялась качать головой, вытирая брызнувшие слёзы:

– Ох, нехорошо это... Нехорошо маменькины и папенькины вещички продавать... Фамильное ж богатство!

– Замолчи, Жаннина! – строго велела я ей. – Корову надо выкупить, ведь кормилица. Поди за Каролиной и Эмилией тотчас же, я жду.

Нянька махнула рукой и пошла к дому, переваливаясь с бока на бок. Опять, видно, подагра замучила, надо бы Жаннину попарить в бане хорошенько... Да где взять столько дров, чтобы растопить до жара? Я снова вздохнула. Всё одно к одному. Деньги к деньгам, а суета к суете. Роду де Клери не повезло, нам досталась лишь суета.

Каролина появилась через несколько минут, подталкивая перед собой Эмилию. Обе сестры выглядели не слишком довольными, но если младшая откровенно куксилась, то старшая старательно прятала своё недовольство под маской усталости. Я помахала им, призывая ускорить шаг, и спросила:

– Взяли скатерть хотя бы? Во что мы завернём вещи?

– Я не хочу идти в замок, – проныла Эмилия. Каролина закатила глаза и фыркнула:

– Ты должна была бы уже понять, что, когда Мариола велит что-то сделать, ты это сделаешь и точка.

– Но я не хочу-у-у... У меня снова заболят ноги, а ещё тащить всякую дребедень с собой!

– Эми, – строго сказала я. – У нас забрали Мызку, мы должны выкупить её, а для этого надо продать кое-какие вещи. Прекращай стенать и двигайся.

Эмилия испустила тяжкий вздох и поплелась за калитку.

– Эй! – крикнули сверху. Я подняла голову. На нас спланировала старая, но еще прочная скатерть из запасов моей хозяйственной нянюшки. Я взглядом указала сестре на тряпку. Каролина проворчала:

– Почему всегда я должна всё делать...

Ещё один вздох, на этот раз мой, огласил двор. Но я ничего не ответила Каролине, хотя и хотелось крикнуть, что всё делаем мы с Жанниной! Пусть девочка поворчит, выпустит пар. Да и до замка идти с четверть часа, успокоится за это время.

Подниматься в гору мне было легко. Сколько раз я преодолевала эти четверть льё туда и обратно, бегом или неспешным шагом! Ноги привыкли, да и я тоже. Девочки, правда, порывались ныть, но я не слушала их стоны, шагая размеренно и быстро. Вот и каменная стена, замшелая и кое-где обвалившаяся, прямо перед нами. Ещё немного – и мы

прошли под сводами арки ворот во внутренний двор.

Когда-то тут было шумно. Целый день суетились слуги, конюшие, птичники, работники с кузни, плотники, крестьяне... Фыркали сытые лошади, визжал сбежавший из сарая поросёнок, которого пытались поймать босоногие мальчишки. Где сейчас те мальчишки? Небось, выросли давно, в солдаты их забрали, а может и погибли где-то на поле сражения. Война закончилась всего восемь лет назад, как раз родился Никола. Папенька уже не увидел его, да и маменька недолго любовалась на последыша – померла от кровотечения на второй день. Никого уж нет, кто знал это место живым и полным звуков, запахов...

– Девочки, сюда, за мной, – скомандовала, чтобы отогнать невольню подступившие к глазам слёзы. – Я покажу вам тайную комнату, мало ли что случится со мной или с Жанниной.

– Тайная комната?! – широко распахнула доверчивые голубые глаза Эмилия.

– Тайная комната в нашем замке! – воскликнула Каролина. – Какая восхитительная глупость!

Это было любимое маменькино выражение. Жаннина научила ему девочек, а я помнила сама. Мои сёстры были слишком маленькими, чтобы помнить маменьку.

– Да, в нашем замке есть тайная комната, – терпеливо ответила, увлекая их на каменную лестницу, ведущую на первый этаж. Там свернула налево, отпихнув ногой сломанный столик-консоль, и быстрым шагом прошла по галерее до па-

пенькиного кабинета. В нём почти не осталось мебели – что мы забрали, что растащили крестьяне на дрова. Однако камин не разобрали, и то хорошо. Третий камень от окна надавить и сказать заклинание...

– Валерби, Маниста, Аморанио. Хранители древней магии, откройте путь.

– Что это значит, Мариола? – шёпотом спросила Каролина. Похоже, ей стало страшно. Я ободряюще улыбнулась сестре и тихо ответила:

– Это надо обязательно сказать, чтобы ход открылся.

Где-то в глубине стены заскрежетало, стукнуло, глухо закрипело, и закаминная створка повернулась вокруг своей оси, явив нашим взглядам низкий лаз. Подобрав юбку до колен, я велела девочкам:

– Ждите меня здесь.

Они и не собирались следовать за мной в недра замка, обнялись, дрожа и комкая в руках скатерть. Трусишки мелкие! Я зажгла свечу, прилепленную к ободку камина, одним щелчком пальцев, пробралась в тайную комнату, отряхнула с платья старую сажу и золу, огляделась.

Гобелены, изображавшие охоту, сбор урожая, старинную балладу о принцессе и менестреле, а ещё животных – настоящих и вымышленных, лежали, свёрнутые в рулоны, на возвышении у стены. Огонёк свечи дрожал, выхватывая из мрака блеснувшее золото кубка, тусклую латунь подноса, заискрившийся драгоценный камень, вделанный в корону. Па-

пенькина герцогская корона... Её я никогда и ни за какие деньги не продам! А вот кубки, гобелены, крохотное крестильное платье, украшенное чуть потускневшим детским жемчугом – всё на вынос. Есть ещё шкурки, добытые в лютую зиму, самые пушистые и самые тёплые, но пока пусть полежат. Заклинание против моли и прочей заразы действует почти десяток лет, попрошу Жаннину заглянуть и обновить его. А сейчас надо девочкам вынести ценности, чтобы увязали в скатерть.

Свёрток получился увесистый. Мы оставили два конца с противоположных краёв, чтобы нести вдвоём, а Эмилия я вручила аккуратно скрученное крестильное платьице.

– Ну, двинулись, что ли.

Взялась за один край, Каролина за другой, и тут моё ухо уловило едва слышный топот копыт. Не меньше трёх лошадей! Кто скачет сюда? Уже давно в замок не приезжали чужие... Лихорадочно соображая, чем это может грозить нам с сёстрами, я вспомнила о тайной комнате. Вовремя! Закрыв проход, махнула девочкам рукой:

– Выбирайтесь через кухню и бегите в лес южными воротами! И чтоб вас всадники не заметили! Понятно?

Каролина кивнула и потащила свёрток к кухне. Эмилия всхлипнула:

– Что они нам сделают?

– Ничего, если вы спрячетесь, – я подтолкнула к сестре. – Бегом!

А сама вышла во двор. Сама встречу незваных гостей.

Их оказалось действительно трое. Молодые, длинноволосые по последней моде, одетые в неброские камзолы и шляпы с плюмажем. Но я сразу поняла – знать. Слишком дорогая сбруя, лошади лучшие, чем даже у городского головы, и взгляды, взгляды... Эти трое смотрели бы сверху вниз, даже если бы это я сидела в седле, а они стояли на земле.

Не здешние.

Откуда они? Судя по роскошным пушистым перьям, украшавшим полы шляп, молодые люди к нам из столицы. Здесь так не носят, предпочитая скромные тетеревиные или орлиные. Во всяком случае, в моём замке им делать нечего!

Выступив из-под сени ворот, я спросила громко:

– Кто вы такие, мессир, и что вам здесь угодно?

Один из них, кудрявый красавчик с лихо закрученными усами, бросил презрительно:

– Тебе какое дело, замарашка?

– Прочь с дороги! – второй – не такой миловидный, скорее из-за угрюмого выражения лица – одним движением руки укротил заволновавшегося под ним коня и выплюнул: – Я новый хозяин замка Лансель.

Что?

Мне даже показалось – я ослышалась. Из-за ветра неправильно поняла слова этого мужчины. Хозяйка замка – это я, Мариола де Клери. И ни у кого другого, кроме моих братьев и сестёр, нет права называться хозяином замка Лансель!

– Простите, мессир, – сказала ещё громче, – вероятно, я вас плохо расслышала! Извольте повторить!

– Будешь ты ещё со всякой гольтьбой беседовать, Санси! – фыркнул третий – круглолицый толстячок с нездоровым цветом кожи. – Гони её вон!

– Если, конечно, тебе не возжелается немного поразвлечься с юным свежим телом, – гоготнул первый.

Тот, кого назвали Санси, оглядел меня внимательнее – меня, у которой всё внутри застыло и похолодело от ужаса, – но мотнул головой, достав из-за пояса длинный, свёрнутый в петлю хлыст:

– Благодарю покорно, господа, я предпочитаю дам, от которых хорошо пахнет.

Я даже не успела оскорбиться, как хлыст щёлкнул в воздухе и боль обожгла руку, которую я выставила вперёд. Вскрикнула, а чужаки рассмеялись. Первый поднял коня на дыбы, тот заржал протестующе и бросился коротким нервным галопом прямо на меня. Едва успела отскочить к стене!

А наглые захватчики моего замка как ни в чём не бывало въехали под ворота и скрылись.

Первым моим порывом было бежать за ними и кричать, швырять камни в спину, бить и царапать, чтобы они испугались и убрались отсюда. Но я сдержалась. Более того – подхватила подол платья и рванула к лесу. Девчонок нагнать и домой! Сейчас я ничего не смогу сделать одна, а там, дома, есть Жаннина, есть Ивон – её муж, можно поднять крестьян

и выставить из замка «новых хозяев»!

Первая ветка, хлестнувшая меня по лицу, отрезвила. Я остановилась, пытаясь отдышаться, и прислонилась спиной к шершавому стволу липы.

Новый хозяин!

Нет, это просто неслыханно! Как может чужак стать хозяином моего замка? Каким чудесным способом?

Хлопнув себя по лбу, я простионала:

– Он его купил... Да, но кто ему продал замок?

На этот вопрос ответить мне мог бы только один человек: нотариус мэтр Бассиньи. И я двинулась глубже в лес с твёрдым намереньем посетить сего славного мсьё сегодня же, как только доберусь до дома.

Сестёр я нагнала почти у самой ограды. Каролина тащила Эмилию за руку, а скатерть тащилась за ней по траве. Вот Жаннина задаст этой маленькой негодяйке за зелёные пятна на белой ткани! Отобрав у сестры свёрток, я направилась к дому, ни слова не сказав. Зато Каролина разразилась вопросами:

– Кто это был, Мариола? Что они искали в замке? Они сюда придут? Они нас убьют, да?

– Что за глупости?! – фыркнула я. – Идите лучше помогите Жаннине с обедом, а я разберу и почищу вещи. Да! И ни слова слугам о том, что вы видели в замке!

– Ладно, – уныло протянула Каролина. – Пошли, Эмилия, от неё слова не добьёшься, от этой злыдни!

– Мариола не злыдня, – вякнула было младшая, но средняя сестра дёрнула её за руку:

– Ещё какая! Вот увидишь, она нам ничего не скажет, всё интересное мимо нас пройдёт.

Отмахнувшись от них, я понесла вещи на кухню. Гобелены нужно перетряхнуть, выбить из них пыль, а крестильное платье отдам Жаннине, она умеет чистить такую ценную одежду.

Солнце уже стояло в зените, когда я села в повозку и причмокнула на старенькую кобылку, которая встрепенулась и медленно потащила меня к городку. Кроме вещей для мсьё Ланье, я везла сыр и масло на продажу. Сегодня вместо рынка сдам их молочнице и сразу получу деньги. А потом к нотариусу. Жажду узнать, каким образом я могла продать этому столичному хлыщу свой родовой замок!

Когда солнце перевалило за крест городской церкви, я остановила лошадь у дома мэтра Бассиньи. Спрятанный в складках юбки кошель приятно тяготили десять луидоров, шесть экю и три франка. Хватит и корову выкупить, и налог заплатить через десять дней. Привязав поводья к крючку в каменной кладке стены, я поднялась на крыльцо и дёрнула за шнурок. За дверью прокатился мелодичный звон колокольчика, и почти сразу раздались шаги. Отворил мне мальчик, который служил у нотариуса, и согнувшись в поклоне, пригласил меня войти.

– Я желаю поговорить с мэтром Бассиньи, – сказала я го-

лосом, который слышала в детстве от маменьки – герцогини Монтферрас. Даже когда наша семья разорилась, честь и достоинство, как и гордость за свой род, сквозили в каждом слове доброй женщины, в каждом её движении. Я часто копировала маменьку, и теперь это мне пригодилось. Мальчик ещё раз поклонился и жестом указал на кабинет в торце коридора.

Мэтр Бассиньи был грузным пожилым евреем с лысиной, прикрытой маленькой чёрной шапочкой, и длинными седыми волосами, в беспорядке падавшими на плечи. Он поднял орлиный нос от бумаг, прищурился и узнал меня:

– А, дама де Клери! Прошу вас, окажите честь старику, присядьте и изложите мне цель вашего визита.

– Мэтр Бассиньи, оставьте ваши игры, – резко отозвалась я. – Вам прекрасно известна цель моего визита.

Он поднялся, нацепил на нос маленькие круглые очки и взглянул на меня сквозь них. Потом сказал медленно:

– Полагаю, вы узнали, что замок Лансель был продан.

– Совершенно точно! И никак не могу понять, как вы могли провернуть эту аферу!

– Вы намерены меня обидеть, дама де Клери? Никаких афер! Я честнейший человек и никогда не позволил бы себе обмануть кого бы то ни было.

– Но это мой замок! – воскликнула я. – Я вступила в наследство по смерти отца!

– Да, но неправомерно, дитя моё, неправомерно! Я испра-

вил эту ошибку, когда брат вашего покойного отца, герцога де Клери, предстал передо мной три дня назад.

– Какой ещё брат? – изумилась я. – У папеньки был брат, Августо де Клери, но он погиб пятнадцать лет назад в битве при Клермон-Воргаше!

– Представьте себе, нет. Он выжил. Я был так же удивлён, как и вы, когда увидел вашего дядюшку.

– Мэтр Бассиньи, это самозванец! Как вы могли узнать дядю Августо, если он умер, что было подтверждено лично другом дяди! Он был у нас, я помню его! Он сказал, что дядя Августо испустил дух у него на руках!

– Однако я узнал его. И не только я, дама де Клери, а ещё двое весьма уважаемых граждан нашего города. Не думаю, что вашему слову поверят больше.

Он снял очки, положил их на кипу рукописных бумаг и сказал тихо:

– Будь я на вашем месте, дама де Клери, я вернулся бы домой и жил бы там тихонько, как вы жили до сегодняшнего дня. Ваш дядя вступил в права наследства на замок, земли и титул герцога де Лансель и продал своё имущество, распорядился им так, как ему заблагорассудилось.

– Кому продал? – ухватилась я за эту фразу. – Санси, кто этот Санси?

– Кузен Его Величества короля Карла Семнадцатого, принц крови, герцог де Санси. Я лично оформлял сделку. Вы не можете её расторгнуть, даже если очень захотите. Пом-

нится, у вашей матери есть родовое поместье... Монтферрас! Поезжайте туда, забирайте младших и поезжайте.

Я нетерпеливо топнула ногой. Чёрта с два я уеду в маменькино имение! Моё место здесь, рядом с замком, на землях герцогства Лансель! И не нотариусу решать, что мне делать! Я буду решать, хоть и не здесь, не сейчас. Мне надо подумать... А в голову пришёл интересный практический вопрос, и я тут же задала его:

– Чем давать советы, в которых я не нуждаюсь, кажите мне лучше, мэтр, замок был продан со всеми долгами, в том числе по налогам?

– Кхм, совершенно верно. Так всегда делается.

– Отлично. Будьте так любезны дать мне письменное подтверждение сего. Немедленно.

И я снова села, держа спину так прямо, что она мгновенно задеревенела. Но я не согнусь! Я обязательно выстою и выясню, что за проходимец взял имя моего покойного дяди Августо.

Глава 2. В дорогу!

Со столь нужной мне бумагой я вышла от мэтра Бассиньи твёрдым шагом, лошадь отвязывать не стала, а прошлась до интенданта, который на время сбора налогов размещался в доме городского головы. Постучала, меня пригласили войти и подождать господина интенданта в приёмной – маленькой душной комнатке с жёстким диванчиком. Я уже бывала здесь, когда приходила к голове просить сена для коровы в одну из неурожайных зим.

Но теперь я пришла не в качестве просительницы. Мне нужно было забрать то, что принадлежало моей семье.

Лакей интенданта отворил дверь и сказал:

– Можете войти, дама де Клери.

– Благодарю, – сухо ответила я и прошла в кабинет, отведённый интенданту. Усач, устало потирая глаза, писал на пергаменте цифры в столбик, то и дело окуная кончик пера в походную чернильницу. Бормоча что-то под нос, подбивал сумму и качал головой. Я шагнула к столу, положила на него бумагу, данную нотариусом и твёрдо сказала:

– Прошу вернуть мне корову.

– Вы принесли деньги, дама де Клери? – безмерно удивился интендант, подняв на меня взгляд.

– Лучше! Я принесла документ, заверенный мэтром Бассиньи, удостоверяющий то, что замок Лансель был продан

герцогу де Санси. Как полагается, со всеми долгами. Таким образом, вы можете требовать налог на владение замком с нового хозяина.

Блѣклые глаза интенданта с красными от напряжения прожилками прищурились. Он придвинул к себе бумагу, внимательно прочёл и положил на неё тяжѣлую ладонь. Вздохнул. Ответил нехотя:

– Что ж, как ни крути, тут всё верно.

– Значит, я могу получить своё имущество?

Ещё один вздох. Как же интенданту не хотелось отдавать забранное! Но пришлось. Он черкнул на куске пергамента несколько слов, поставил размашистую закорючку подписи и взялся за воск. Нагрев кусочек над свечой, капнул на бумагу и поставил оттиск печаткой, болтавшейся на мизинце левой руки.

– Вот, возьмите. Мой слуга отдаст вам корову.

С торжествующим видом я прошествовала к выходу, неся записку перед собой, а уже через полчаса, привязав возвращѣнную кормилицу к телеге, поехала домой. В голове крутились невесѣлые мысли. Как наш дядюшка смог выжить в самой гуще битвы? Ведь его друг – а не верить ему не было повода – собственными глазами, лично видел смерть дяди Августо! Я помнила обоих, хотя мне было слишком мало лет.

Дядя был похож на отца – такой же высокий, крепкий и смешливый. Он обожал меня – на тот момент единственную наследницу де Клери – и постоянно пытался то посадить на

лошадь вместо пони, то всучить мне мизерикорд в качестве меча, чтобы учить драться. Маменька ахала, злилась на дядю, жаловалась папеньке, но тот только фыркал от смеха и говорил: «Пусть забавляются, посмотрите, какая ваша дочь ловкая, даром что кроха!» Я тоже обожала дядюшку и горько рыдала, когда узнала, что он больше никогда в жизни не прискачет в замок и не подбросит меня в воздух...

Друг дяди, низенький бородатый крепыш, говорил о смерти виконта де Клери со слезами на глазах. В походе они разделяли все тяготы военной жизни, делились мыслями и надеждами на победу, даже поклялись, что будут неразлучными друзьями всю отмеренную им жизнь и сообщат семье другого, если тот погибнет. Как же его звали? Я силилась, но никак не могла вспомнить. Только эта борода – рыжая с ранней проседью – осталась в памяти, да ещё глаза. Маленькие, тёплые, синие, как небо над Ланселем в тёплый и ясный июльский день, окружённые веером коротких и густых светлых ресниц, грустные глаза человека, который слишком много горя видел на своём веку.

Вот бы найти этого человека...

Только как? Из тех, кто видел его и присутствовал при разговоре, остались только я и Жаннина. Может быть, она вспомнит имя? Вряд ли, конечно, моя нянька и кормилица слишком стара... Но попытаться мы должны. Не верю, что дядюшка воскрес из мёртвых, прибыл в Лансель, чтобы вступить в наследство, и всё сразу же продал. Не верю, чтобы он

не помнил обо мне и не захотел увидеть меня. Да и столько лет прошло, почему он не вернулся раньше?

Во дворе домика привратника Ивон гонял кур, которые решили полакомиться посаженными у забора ростками овощей. Я направила лошадь к сараю и крикнула слуге:

– Ивон, принимай Мызку!

– Ваше сиятельство! – старик аж присел, хлопнув себя по ляжкам, потом поспешил ко мне, бросив кур. – Неужто вы купили?! Ах ты, Мызонька моя, добрая коровушка! Вернулась, красавица!

– Да, да, благодарю тебя, милая Мариола, что вернула нам корову и не потратила ни гроша, – пробормотала я, слезая с телеги. – Я продала масло и сыр, продала гобелены и остальное старьё. Где Жаннина? Мне нужно с ней поговорить.

– Ужин готовит, – махнул на дом Ивон, поглаживая Мызку между рогов. – Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство, я распрягу.

Я, прижав к груди кошель с деньгами, направилась на кухню. Жаннина колдовала в пару и дыму, а по всему помещению витали ароматы куриного мяса и жареных кабачков. Вдохнув несколько раз, я ухватила рукой за косяк двери – голодная, не обедала, со вчера маковой росинки не было во рту – и сказала твёрдо:

– Жаннина, ты мне нужна.

– Тут я, голубонька моя, – откликнулась нянька. – Скажи Жаннине, что тебе понадобилось, и я всё сделаю!

– Ты помнишь тот день, когда пришёл бородатый мужчина и сказал, что дядя Августо погиб в бою?

Нянька обернулась и смерила меня взглядом. Потом сказала, отодвинув кастрюлю на холодный край раскалённой плиты:

– Мариола, детка, зачем тебе вспоминать это?

– Дядя Августо воскрес, отобрал у меня замок, земли и титул, а потом всё продал заезжему герцогу. Ну, кроме титула, разумеется.

– Святой Боже, – Жаннина перекрестилась и взглянула в окно, откуда был виден шпиль с крестом городской церкви. – Воскрес, как же так-то?

– Как-то так. Его узнали трое уважаемых горожан. Поэтому я и спрашиваю тебя: помнишь ли ты имя того человека, который сообщил моим родителям о смерти дяди?

– Оберон, – ответила Жаннина, не раздумывая. – Я помню. Его звали Оберон Мортье. Запомнила, потому что имя у него редкое. Кто называет ребёнка железякой от замка? Только человек с фамилией каменщика.

Оберон Мортье. Имя действительно редкое, и найти его будет не очень трудно. Найду. Найду и узнаю точно, что случилось с моим дядей Августо. Если тот мужчина, который представился его именем, самозванец, продажу замка можно будет аннулировать.

Обрывки воспоминаний затопили меня.

«Нужно дать этому бравому солдату немного денег, чтобы

он начал своё дело».

Папенька тогда оставил Оберона на ночь. Хотел дать ему работу в замке, но мужчина отказался. Он хотел вернуться домой, где его ждала невеста...

Думай, Мариола, думай!

Нет, маменька отослала меня в кровать. Я больше ничего не слышала из разговора. Но наутро... Наутро Оберон, прощаясь, потрепал меня по волосам и сказал, что возвращается к Волшебным Садам, чтобы выкупить мастерскую отца.

Мортье. Каменщик. Волшебные Сады.

Столица.

Мне надо ехать в столицу.

– Жаннина, где ты хранишь маменькины платья? – спросила деловито. – Хочу посмотреть, что можно сделать, чтобы немного освежить их.

– Деточка моя, зачем тебе понадобились платья? – насто-рожилась нянька. Я вздохнула:

– Завтра я еду в столицу. Не спрашивай ничего, просто помоги.

– Ох, ох... Не к добру это всё, не к добру! – закачала головой Жаннина. – Что это ты задумала такое?

– Уж не думаешь ли ты, что я оставлю замок и земли какому-то проходимцу?!

– Твой дядюшка Августо – законный наследник титула, а с ним и земель Лансея, – рассудительно сказала нянька. – Как ты можешь идти против закона? Голубка моя, ведь те-

бе с сёстрами и братьями остался Монтферрас, не ломись в закрытую дверь! Если нас выгонят отсюда, мы отправимся туда.

– Ну уж нет, – почти весело ответила ей я. – Мы останемся здесь, и я не желаю слушать никакие предложения. Заканчивай с ужином и проветри платья, я поеду с первой же почтовой каретой.

Первая почтовая карета в направлении столицы отправлялась с городской площади ровно с шестью ударами башенных часов. Я даже послала братишек в город, чтобы уточнить это. Остаток дня мы с Жанниной употребили на то, чтобы собрать багаж. Ехала я налегке – всего с одним сундуком. Кроме белья и запасной пары чулок, туда уместились три маменькиных платья, которые моя нянька вычистила и проветрила, а я освежила кружевным воротничком, перчатками в тон и почти новой тесьмой, найденной в закромах запасливой старушки. В дорожный несессер уложила щётку для волос, тряпочку и коробку мела для зубов, склянку с натираниями для кожи лица, которые Жаннина изготовляла лично каждый год, а ещё маменькины серьги из длинных связок речного жемчуга. Она завещала их мне перед смертью, и я никак не смогла решиться продать или заложить их.

Если что-нибудь случится, продам в дороге.

Перед сном я зашла к братьям и сёстрам, чтобы попрощаться. Мальчишки очень мне завидовали, потому что тоже хотели отправиться в путешествие, а девочки... Эмилия пла-

кала, превращая своё миленькое личико в подобие поросычье морды с распухшим носом. Каролина пыталась успокоить её, но безуспешно. Поэтому окрысилась на меня:

– Вот, сказала ей, теперь она будет реветь всю ночь!

– Эми, успокойся, сестрёнка, – я обняла девочку и прижала к себе, укачивая. – Я скоро вернусь, всё будет хорошо!

– Нет! – всхлипнула она и разрыдалась пуще прежнего. – Мы больше никогда не увидимся, я это знаю!

– Вот ещё восхитительная глупость! – воскликнула я. – Конечно же, увидимся! Послушай, Эмилия, мне нужно найти одного человека, я его найду и сразу же вернусь! И всё станет, как раньше, обещаю тебе.

– Не станет, – редела она. – Не ста-а-ане-е-ет!

Едва успокоив её, я укрыла девочек одеялом, подоткнула его, поворошила угли в жаровне, чтобы они грели ещё долго, и наклонилась к Каролине:

– Теперь ты остаёшься за старшую в семье. Помни, что твой долг – защищать младших и опекать их.

– Ты правда вернёшься, Мариола? – спросила она, кусая губы. В её глазах я увидела страх. Боялась ли Каролина за меня или за себя – я не знала, но понадеялась на её благоразумие. Ласково погладила её по щеке:

– Вернусь, не беспокойся. Помогай во всём Жаннине, прошу, не огорчай её!

Выйдя из спальни детей, я спустилась в гостиную. Моя старая кормилица, нянька и служанка шила что-то в моём

дорожном платье – поношенном, но очень удобном и всё ещё приличном. По её морщинистому лицу катились слёзы. Ну вот, и она тоже! Я подошла к Жаннине, обняла сзади, стиснув так, что старушка запротестовала:

– Мариола! Ты меня задушишь, противная девчонка!

– Ну что ты, – пробормотала и присела рядом. – Чем ты занята?

– Шью тебе потайной карман, чтобы деньги не украли.

– Я возьму немного, остальное ты спрячешь в доме.

Нянька покачала головой, не глядя на меня:

– Вот ещё! Тебе нужнее, а мы как-нибудь... С девочками нашём рубашек, набьём масла – корова-то наша вернулась!

– Жаннина!

– Мариола!

Я махнула рукой. Спорить с Жанниной бесполезно. Она всегда права, и, даже если она не права, проще сунуть деньги под подушку, чтобы она нашла их после, чем спорить до второго пришествия.

Спала я в эту ночь плохо. Проснулась задолго до рассвета – с петушиным криком – и собралась так быстро, что даже Жаннину переплюнула. Ивон запряг лошадь и отвёз меня на площадь. Почтовая карета уже стояла там, запряжённая четвёркой гнедых мохноногих лошадок. Я глубоко вздохнула, пока слуга тащил к повозке мой сундук, и нервно пригладила волосы под шляпкой. Проверила зашитый в потайной карман мешочек с деньгами. Сквозь юбки нащупала мизе-

рикорд, примотанный подвязкой к ноге.

Готова ли я оставить свою семью? Готова ли пуститься в опасное путешествие, чтобы найти человека, который, возможно, уже давно умер? Готова ли узнать правду, которая может мне не понравиться?

Оглянулась на ратушу, на дом городского головы, на другие дома, которые знала с детства. Взглянула на замок, который виднелся за деревьями на холме. Да, я готова. Это мой замок, мои земли! Я Мариола де Клери, герцогиня де Лансель и де Монтферрас, и я никому не отдам то, что принадлежит мне по праву, особенно самозванцу, который решил выдать себя за моего погибшего дядю.

– Почтовая карета отправляется с шестым ударом часов! – возвестил громкий голос с площади. Ко мне спешил Ивон:

– Дама Мариола, поторопитесь! Без вас же уйдёт!

– Бегу, Ивон, бегу.

Коротко обняв старого слугу, я улыбнулась ему:

– Присматривай за моими братьями, Ивон. Поручай им работу, чтобы в их головушках не рождались озорные идеи!

– Не извольте беспокоиться, дама Мариола, – старик смахнул слезу и подтолкнул меня к карете. – Пусть всё у вас получится, и да хранит вас господь!

Подобрав юбку, я забралась внутрь кареты, села на потёртую деревянную лавку и выдохнула. Да хранит господь тех, кого я оставляю здесь без защиты!

* * *

Анри Арман Роберт де Санси, герцог де Бомон, герцог де Моль, принц крови и приближенное лицо Его королевского Величества Карла Семнадцатого, скучал.

Скучал он в затрапезной таверне самого что ни на есть провинциального городка Франции близ истока Луары. Купился на необычайные красоты региона и на замок с землями. Нет, конечно, нужно быть справедливым и отдать должное – здесь никогда не было крестьянских восстаний, здесь жирные коровы и отличные рабочие лошади, опрятные дома и довольные жизнью буржуа. Замок не лежит в руинах, хотя ему необходимо восстановление, но уже через год можно будет проводить в нём часть лета. Охотничьи угодыя великолепны: вчера, только проезжая мимо леса, Анри видел косуль и даже мелькнувшего между ветвей кабана. Лисиц же наверняка кишмя кишит! Скорей бы перевезти сюда своих ловчих и собак... Вскочить в седло и под резкие звуки горна помчаться за стаей в погоню за рыжей шкуркой!

Анри взглянул на бокал в руке, но он оказался пуст. Потянувшись за бутылью, налил до краёв посредственного вина и отпил глоток. Быть может, белое лучше в этом регионе? Отличная идея, он позовёт хозяина таверны и потребует, чтобы тот принёс всё вино из погреба. Как раз Габриэль и Рауль вернутся к дегустации...

На секунду в сердце уколола зависть к друзьям. Они спокойно и без лишних размышлений развлекаются с местными базарными девчонками, а он сидит тут и пьёт. Но что поде-

лать, если его не тянет к этим деревенским простушкам! У Анри другие вкусы. Подавай ему изящную и тонкую красавицу, но главное такую, чтобы не лебезила и не жеманничала... А где найти такую? Даже при дворе братца – или кокетки, или кокотки, но все интриганки. Там не на кого охотиться, к тому же все придворные дамы только и вздыхают по Карлу. Да, Его Величество располагает большими возможностями, чем герцог де Санси, большим шармом и поистине безупречными манерами, он же, Анри, угрюм и неразговорчив. Танцы не привлекают его, музыка заставляет тосковать, светские беседы утомляют необходимостью думать над каждым словом или оборотом...

В камине внезапно затрещало, и огонь, до этого мирно поедавший дрова, расплевался искрами. Анри насторожился, внимательно осмотрел пламя. Сырое полено попало, что ли? Но нет, в глубине огня рождалось нечто первобытно-прекрасное, жарко-красное, золотистое по краям. Герцог де Санси вздохнул. Даже тут не спрятаться...

Райская птица, сотканная из пламени и искр, расправила крылья, вспорхнула над чёрными от огня дровами и очутилась в комнате. Присев на стол, который обугливался под лапками, она протянула Анри пергамент, зажатый в клюве.

Королевский феникс! У Его Величества срочная депеша для своего приближённого. Анри взял письмо, потряс им в воздухе, чтобы остудить, и прочитал вслух:

– Наш драгоценный брат! Мы отдаём себе отчёт в необхо-

димости развеяться и отдохнуть, но желаем незамедлительно сообщить тебе новость, требующую твоего присутствия в Париже.

Что? Возвращаться? Но ведь он покинул столицу всего два дня назад! Анри фыркнул недовольно и скользнул взглядом по вязи рукописных строчек:

– Так... Так... Жениться. Мы нашли для тебя идеальную невесту, которая, в придачу к своей феерической красоте, обладает прекрасным воспитанием и может похвастаться почти такой же, как и у нас, древностью рода. Не лишним станет и упоминание о приданом, размер которого приятно удивит тебя, Анри...

Невеста! Уму непостижимо. Разумеется, выгодно жениться – долг принца крови. Анри всегда знал, что будет вынужден взять в жёны ту, на которую укажет король, и разделить с ней постель хотя бы до зачатия наследника. Но эта мысль прозябала на жалких задворках разума. Анри не думал, что всё случится так скоро. Полагал, что Карл позволит брату погулять немного, развлечься до пресыщения, пожить в своё удовольствие хотя бы ещё с пяток лет! В конце концов, жениться можно до преклонного возраста.

– Мы ждём тебя как можно скорее при дворе, чтобы провести церемонию фиансалий. Мы лично удостоверились в том, что невеста подходит тебе по всем меркам, сделав её фрейлиной нашей добрейшей супруги, Её Величества Маргариты Аквилонской. Не медли же, наш драгоценный брат,

нам не терпится увидеть тебя счастливым в таком многообещающем браке! Твой король, Карл Семнадцатый.

Многообещающий брак.

Братец натешился со своей тайной фавориткой, лично удостоверился в её пригодности к постельным делам, а теперь желает наградить девицу браком с принцем крови! Не в первый и не в последний раз, видели, знаем...

Анри вздохнул, отбросив от себя письмо. Феникс нетерпеливо подобрал пергамент, тот воспламенился и сгорел, превратившись в пепел. Птица испустила резкий неприятный вопль. Анри рывкнул:

– Ответа не будет! Прочь!

Потоптавшись на месте, феникс взмыл в воздух, обдав Анри жаром огня, и нырнул обратно в камин, исчез в треске искр. В раздражении герцог де Санси налил ещё вина и выпил его залпом. В голове появилась наконец приятная круговерть. Подбирать за венценосным братом аристократичных шлюх – это очень почётно и выгодно, но не для Анри. Всё в нём противится этому браку. И невинность невесты, точнее, отсутствие невинности, здесь ни при чём.

Он седьмое колено. На нём закончится проклятье де Санси. К сожалению, никто не знает, как именно и когда именно.

Но брак с надоевшей Карлу фавориткой исключён. Надо вежливо отказать королю, хоть королю и не отказывают. Братец способен разгневаться и сослать Анри в самое дальнее из его поместий навсегда. Вино нагрелось в руке, он поставил

бокал на стол и встал. Прошёлся по комнате. Раздражение нарастало. Карл прекрасно знает о нежелании Анри жениться. Однако он настаивает на своём, если не...

Если Анри не будет уже женат.

Подняв брови, он присмотрелся хорошенько к этой мысли. А что? Это обязательно сработает. Карл не пойдёт против освящённого церковью брака. Его власть не заходит так далеко. А значит, необходимо заручиться согласием священника, достать все необходимые атрибуты для свадьбы, но главное – найти подходящую невесту. Не болтливую и охочую до денег. И не здесь, а ближе к Парижу, там девицы за несколько луидоров сделают всё и ещё немножко.

Анри толкнул дверь комнаты и выскочил в коридор.

– Габриэль! Рауль! Живо! Собирайтесь, мы едем в столицу!

Глава 3. Неожиданное препятствие

Всякое путешествие когда-либо подходит к концу.

Эту непреложную истину я познала давно. И не только в связи с путешествиями. Ну... Совсем не в связи с путешествиями, потому что ехала я так далеко в первый раз. Раньше выезжала с Ивоном только на ярмарку за несколько миль от дома. А теперь...

Мы ехали, ехали, ехали. Останавливались на час в трактирах, на ночь в придорожных корчмах, меняли лошадей, отдыхали и снова ехали. Быструю почтовую карету сменил тряский пассажирский дилижанс, и я думала, что сойду с ума от ухабов и ям на дороге. Соседка, с которой я делила узкое сиденье, постоянно молилась. Не то чтобы мне это мешало – монашка должна молиться, – но между ними она постоянно жаловалась мне на дорогу, на запах, на несвежую еду в трактире, на епископа, который ни во что не ставит матушку-настоятельницу, на цены и на ленивую сестру Теобальду. Соответственно, молитвы её были направлены на то, чтобы дорога стала лучше, запах – приятнее, еда – съедобнее, чтобы епископ внял просьбам настоятельницы, а сестра Теобальда устыдилась и принялась за работу. Когда я рассказала доброй женщине о цели своего путешествия, она стала молиться и за меня – чтобы я нашла Оберона Мортье и узнала всё о своём дядюшке.

Я тоже молилась – про себя – о скорейшем окончании этого путешествия, потому что больше не могла выслушивать охочую до разговоров монашку. Не выдержав, спросила у пассажира напротив:

– Прошу прощения, быть может, вы знаете, как скоро мы доберёмся до Парижа?

Толстяк с красным лицом, постоянно утиравшийся огромным платком с простеньким вензелем, ответил мне с кряхтением:

– Миль двадцать, не больше! Как же тут жарко...

Двадцать миль! Далеко ещё, но уже гораздо ближе, чем три дня назад, когда я села в почтовую карету. Скоро я окажусь в столице и начну искать Оберона...

Сумерки опустились на дорогу, обняв дилижанс и лошадей, скрыв кучера и охранника, ехавших на крыше. Снаружи заблестел огонёк – зажгли свечу в лампе, чтобы освещать путь. А потом...

Потом я слышала быстрый галоп, крики, выстрелы.

Монашка схватилась за мою руку, восклицая:

– Господь милосердный, это нападение! Нас грабят!

– Нас убьют! – возопил толстяк. А его соседка, похожая на гувернантку, только вздохнула и перевернула страницу книги, которую читала всю дорогу. Я схватилась за потайной карман. Нельзя, чтобы бандиты обокрали меня! Откуда я возьму деньги, чтобы прожить до того момента, как найду Оберона? Пальцы нащупали мизерикорд, и стало немного

спокойнее. С кинжалом всегда спокойнее...

Дилижанс дёрнулся и остановился. Ржание лошадей, выстрелы и вдруг – мужской хрип агонии и глухой звук падения. За ним второй. Сердце, забившееся было в тревожном танце, пропустило несколько ударов. Бог с ними, с деньгами, я отдам всё! Только бы оставили в живых!

Вспомнился плач Эмилии. А если она была права, моя маленькая сестрёнка? Что, если я никогда не вернусь домой?

– Что делать, что делать? – голосила монашка. Пришлось дёрнуть её за рукав рясы:

– Молитесь, сестра моя! Это единственное, что вы сейчас можете сделать!

– Иисусе, спаси нас, грешных, – зачастила она, крестясь истово и мелко. А снаружи распахнули дверцу, и сильная рука схватила меня за лиф платья, вытащила из дилижанса в душную темноту леса.

– О, какая приятная неожиданность! – захохотали сбоку. – Свеженькая девчонка!

Я рванулась, чтобы освободиться, но меня схватили крепче и оттащили от дилижанса. Туда забрался один из бандитов – усатый брюнет в тюрбане – и крикнул:

– А ну, отдавайте все ценности, которые у вас имеются!

Вопли из повозки заставили меня похолодеть от ужаса. Надеюсь, они не убьют пассажиров! Бедная монашка, она наверное, уже умерла от страха...

Но узнать это мне не дали. Бандит, державший меня, по-

ташил куда-то, забросил на лошадь головой вниз и стянул ремнями, обездвижив. Дохнул мне в ухо:

– Мы с тобой после позабудемся, крошка! Это будет незабываемо!

Я обмерла.

Нет, только не бесчестие! Разве может со мной случиться такой ужас?! Я не для этого пустилась в дорогу! Я герцогиня, наконец, а не крестьянка! Затрепыхалась, пытаюсь освободиться, но мне на голову набросили мешок, дурно воняющий тухлым мясом, и напоследок больно ударили по голове. Сознания я не потеряла, а обморок был бы гораздо предпочтительней... Не слышать криков, не вздрагивать при каждом выстреле...

И я молилась про себя – так жарко и искренне, что господь услышал мои молитвы. Крики затихли, и вдруг топот копыт раздался со стороны дороги. Быстрые верховые лошади! Неужели кто-то придёт к нам на помощь? Или, не дай боже, подкрепление к бандитам едет?

Я замерла в ожидании. Всё рано или поздно заканчивается... Хоть бы поскорее!

Топот копыт, ржание лошадей, свист оружия в воздухе!

Падение тел, стоны.

Господи, помоги! Помоги мне выжить!

Голоса.

– О, тут одна целёхонькая! Судя по прелестным ножкам – молодая.

– Пойдёт.

Насторожившись, я мотнула ногами, чтобы юбки скрыли их, но, видимо, не получилось. Хоть бы не заметили кинжал! Снимите меня с лошади, если вы благородные люди!

Благородные люди меня с лошади сняли, но без почестей. И мешок не стащили. Один из них спросил:

– Хочешь посмотреть на её лицо?

– Нет, – буркнул второй. – На лошадь её. Поехали искать священника.

– Ночь на дворе, где мы его найдём?

– В путь!

Меня подняли в воздух, и я взвизгнула, не удержавшись. Снова оказалась головой вниз на лошади. Мне даже руки не развязали! Это так по-мужски! Зачем им священник? Кто они? Зачем похитили меня?

Лошадь заржала и дёрнулась подо мной в коротком галопе. Стиснув зубы от боли, я снова принялась молиться. Поможет ли?

Ехали мы недолго. Когда копыта застучали уже по доскам деревенской мостовой, всадники замедлили ход, потом совсем остановились. Никто не спешил освободить меня. Я слышала голоса чуть поодаль, тихие разговоры, из которых не могла разобрать ни слова. Вся эта ситуация и моё очень шаткое положение начинали утомлять и раздражать. С бандитами всё было хотя бы понятно – они грабят, насильничают и убивают путников на дороге. А эти... Вроде спасли, но

похитили и освободить не намерены. Да ещё и священника ищут...

Зачем?!

– Пошли-ка, милашка, – шепнул мне на ухо голос. – Сейчас ты выйдешь замуж.

– Но... Я не хочу! – воскликнула я, пока меня стаскивали с лошади. – Отпустите меня! Я против!

– Наложил на неё чары, – спокойно велел другой голос. Ах ты ж, поганый, гнусный мерзавец! Сейчас бы стащить мешок с головы и посмотреть в твоё лицо! Запомнить его навсегда...

Что-то грубое коснулось моей руки, обволокло её, распространилось по всему телу, как будто я искупалась в остывающем киселе. Кисель закрыл мне глаза, заткнул уши и хотел даже лишиться способности думать и паниковать, но не смог. Поскольку бог не собирался мне помогать, я обратилась к хранителям древней магии: Валерби, Манисте и Амориано. Кто это были такие, я не знала, но маменька и папенька всегда вызывали их в крайних случаях. Попросила хранителей избавить меня от чар, но это не сработало. Впрочем, я могла слышать далёкие голоса – словно через зимнее одеяло, которое накинула на голову. Зато руки мне развязали, хотя пошевелить я ими не могла.

Вступил голос пожилого человека:

– Скажи мне своё имя, дитя моё.

Он обращался ко мне, но я не могла ответить. За меня

ответил мужчина:

– Обойдёмся без имён. Начинай, святой отец.

– Но... это несколько... необычно, – вяло воспротивился священник. Второй мужчина рывкнул:

– Тебе недостаточно заплатили? Начинай!

– Эх, – ответил старик. – Что же, бог всё видит и всё знает. Дети мои возлюбленные, мы собрались здесь, чтобы двое любящих людей соединили свои руки в законном священном браке. Невеста, имени которой я не знаю, и жених по имени?

– Без имён! – прорычал мужчина.

– И жених, имени которого я не знаю, подайте друг другу руки. Я не стану спрашивать, искренне ли ваше желание связать себя узами брака. Поэтому... Вы приготовили перчатки?

– Вот.

Шелест лёгкой ткани.

Мне на руку натянули тонкую перчатку, которая окутала кожу теплом и лаской. Свадебная перчатка! Судя по мягкости материи – недешёвая. Меня сейчас выдадут замуж неизвестно за кого! И я никогда не смогу снять эту перчатку, потому что она пропитана магией церковного обряда!

Мою ладонь положили на сильную твёрдую руку, и я отчего-то схватилась за пальцы неизвестного жениха. Он не среагировал на этот судорожный жест, оставшись недвижим. Неужели ему всё равно? Почему не снимет мешок с моей головы? Как можно жениться вслепую?

– Жених и невеста, именем господа нашего всемогущего и всепрощающего объявляю вас мужем и женой. Любите и уважайте друг друга, идите по жизни, как стоите сейчас, длань о длань.

Мою длань в перчатке обожгло так, что я закричала, но боль сразу стихла. Священник завздохал и заметил:

– Не принимает господь этот брак, ох не принимает...

– Молчи, святой отец, и делай то, что тебе велено! Они женаты? Всё закончено?

– Всё закончено, мессеры, – в последний раз вздохнул старик, и больше я его не слышала. А мои похитители схватили меня и снова куда-то потащили. Я даже воспротивиться не могла – наложенные чары ещё мешали говорить и двигаться. И рука ныла, та, что в брачной перчатке. Вот ведь ироды! Похитили, замуж выдали, всю мою жизнь сломали! Как я теперь? Если соберусь выйти за кого-нибудь – не смогу, ведь уже замужем и даже не знаю, за кем!

Снова галоп на лошади животом на седле...

Да когда ж они меня в покое оставят? Ясно же, что я им не нужна, а только обряд бракосочетания со мной, да и тот непонятно зачем. Стало страшно, что убьют и бросят в лесу, но, подумав, я отмела такой исход событий. Стоило платить священнику за свадьбу, чтобы убить жену?

Лошадь, на которой я ехала, остановилась резко, как вкопанная. Всадник спрыгнул и снял меня, поставил на землю. По запаху и звукам всхрапывающих кляч я поняла, что мы

вернулись к дилижансу. Но ни причитаний монашки, ни толстяка, ни охранника я не слышала. Чары начинали слабеть, и я старательно сжимала пальцы в кулаки, чтобы снова обрести власть над своим телом. На ухо мне сказали внушительно:

– Забудь обо всём, что произошло, и самое главное: не пытайся найти своего мужа. Это фиктивный брак, ты никогда не узнаешь имя. Тебе это не надо, а вот за труды.

В ладони оказался мешочек с круглыми твёрдыми монетами. Меня оставили в покое, кто-то свистнул, лошади заржали, и опять я услышала галоп. Нервный галоп... Лошади породистые, норовистые. Мой новоиспечённый фиктивный муж не из простолюдинов. Он явно знатного рода, раз может себе позволить так обращаться с дорогими скакунами!

Руки, тяжёлые, словно я их отлежала, постепенно возвращались к жизни. Мурашки заставили поморщиться – это больно и неприятно. Но я наконец-то смогла сбросить вонючий мешок с головы. Огляделась и ужаснулась. Бандиты лежали мёртвые, заколотые шпагами мессиров, которые меня украли. Чуть поодаль от дилижанса, раскинувшись звездой, смотрел белёсыми глазами в ночное небо охранник, не успевший выронить ружьё. Кучер мешком валялся у леса, толстяк – у колёс повозки, а из дилижанса наполовину вывалилась похожая на гувернантку молодая женщина, вся в крови. Прислушавшись, я уловила тихий стон. Стонали внутри.

Аккуратно перешагнув через женщину, я забралась в ди-

лижанс. Старалась не смотреть на мёртвых, хотя и знала, что они не причинят мне вреда. Монашка полусидела на скамье, держась за живот, стонала с закрытыми глазами. Не заплакать бы от страха! Я сделала несколько глубоких вдохов, как учил меня дядя Августо, чтобы сосредоточиться на монашке, приблизилась и коснулась её руки:

– Святая сестра, вы ранены?

Она открыла голубые, как ясное июльское небо, глаза и посмотрела на меня странно, улыбнулась:

– Я скоро умру, дитя моё. Исповедуй меня и причасти.

– Но я не могу! Я не священник, – испуганно ответила я, пытаюсь отнять её руку и взглянуть на рану. Монашка схватила меня за запястье другой рукой и зашептала быстро и горячо:

– Ты можешь, кто другой? Нет никого, только ты. И так уж держалась, не умерла... Исповедуй меня, и я открою тебе самый страшный свой грех, тайну, которую не желаю уносить с собой в могилу!

Я глотнула ставшую вязкой слюну. Могу ли я? Имею ли право? Монашка и правда уж совсем плоха, даже если я потороплюсь отвезти её в город, к ближайшей церкви, не доедет она до святого отца... А как оставить добрую женщину без святых таинств, если она при смерти? Я взяла руку монашки и сказала дрожащим голосом:

– Именем господи нашего прошу тебя рассказать о своих грехах.

Она принялась говорить: слабо, тихо, захлёбываясь. Звали её сестра Паулина, она говорила много о детстве, о том времени, когда жила в грехе, пока не стала святой сестрой, о том, что и в монастыре иногда нарушала каноны и тайком ела скоромное в пост или гневалась на сестёр и на мать-настоятельницу, что грешила гордыней, считала себя лучше некоторых, а теперь кается и просит бога простить её. Я выслушала монашку и сказала ей:

– Господь отпускает тебе твои грехи. Постой, я найду вино и хлеб...

Эти два атрибута причастия точно были в моём сундуке. Конечно, ни хлеб, ни вино не были освящены в церкви, но я подумала, что бог меня простит. Ведь нет времени искать священные таинства его, да и не в них дело. Сестра Паулина и так отправится на небеса, потому что грехи её не смертные, да и она в них покаялась перед свидетелем.

Сунув монашке в рот маленький кусочек мякиша, я аккуратно капнула туда же маленько вина. Женщина проглотила с трудом и выдохнула:

– Спасибо тебе... Уж думала, никто меня не найдёт и не поможет... Теперь можно и умирать...

– Нет, вы не умрёте, святая сестра, – со слезами сказала я. – Сейчас я отвезу вас в город, до него всего два десятка миль!

– Стой! – она схватила меня за руку. – Я должна рассказать тебе... Наклонись, девочка моя, мне трудно говорить...

Я наклонилась ближе к её лицу. Пересохшие губы зашевелились. Монашка прошептала:

– Это тайна, никому не открывай её.

* * *

Жизнь при дворе замирает, лишь когда король спит.

Король-Феникс Карл Семнадцатый спал мало. Он любил праздники, вечера, полные музыки, танцев, красивых женщин, карточные игры и вино. Из-за всего этого часто мучился подагрой и мигренями, но от своего образа жизни отказываться не собирался.

Анри прекрасно знал, что в тот момент, когда он въедет в ворота королевской резиденции в Версале, залы будут полны света от тысяч свечей и звуков скрипок, играющих мелодии паспье, куранты и сарабанды. И пусть дворцовые часы показывают три часа ночи, это время веселья при дворе.

Рауль поймал брошенный ему повод, и Анри, не заботясь о друзьях, быстрым шагом вошёл через главные двери, проследовал по анфиладе салонов в Зеркальную галерею, раскланиваясь со встречными дамами и господами. Он знал их всех и не только по именам. Он знал все их маленькие грешки: кто проводит время с чужим мужем, кто посещает модные бордели, а кто балуется молоденькими мальчиками. Из толпы придворных лишь единицы не были замечены в разврате и грехах, и то Анри предполагал, что они слишком хорошо скрывают свои тайны.

Король танцевал менуэт. Её Величество Маргарита сиде-

ла у окна в окружении своих фрейлин и с улыбкой смотрела на мужа. Его Величество Карл избрал партнёршей очень красивую и очень юную девушку в светло-зелёном платье со множеством блестящих зелёных же камешков, искусно вделанных в ткань. Причёска красотки отличалась от причёсок остальных дам отсутствием высоченных начёсов и вставок в виде цветов, чучел птиц и прочих изошрённых украшений. Чёрные, как смоль, локоны были собраны на висках и сзади, и девушка то и дело качала головой, чтобы заставить их танцевать особый танец соблазнения.

Хороша...

Действительно хороша! Гармоничные черты лица, изящная шея, великолепные покатые плечи... Карл знает толк в красавицах. Уж не её ли братец пожаловал Анри в жёны? Вполне возможно, потому что взгляд короля не блеснул масляно, как это всегда случалось в начале его новой интрижки. И королева улыбалась слишком... победоносно!

Но у Анри есть сюрприз для братца.

Менуэт закончился, последовали реверансы, а потом Карл оглянулся и заметил герцога. Взмахнул рукой, отчего его кружевной манжет красиво вспорхнул, как крылья огромной бабочки, и воскликнул:

– Наш возлюбленный брат! Ты заставил нас ждать, а мы этого не любим!

Приблизившись к королю, Анри поклонился по вычурному этикету двора – сорвав шляпу, помахав плюмажем, отста-

вив ногу и согнувшись по пояс. Разогнувшись, ответил вежливо:

– Со всей покорностью прошу простить меня, Ваше Величество. Дела заставили меня провести несколько дней в наискучнейшем и наиболее порядочнейшем городе королевства. Уверяю вас, я с радостью вернулся в столицу, ибо нет для меня большего счастья, чем лицезреть вас в добром здравии.

Карл отмахнулся, смеясь уголками губ, потом повернулся к девушке в зелёном. Взял её под ладонь, подвёл к Анри и сказал:

– Графиня Сен-Жермен ждала твоего возвращения не меньше, чем мы! Позволь представить тебе Анну, графиню Сен-Жермен и Авалуччио, маркизу Эспелье, новую фрейлину Её Величества.

Анна улыбнулась так, будто желала съесть Анри на месте, целиком, со всеми косточками. Изящно присела в реверансе, склонив голову, и её локоны качнулись вперёд, застыв на мгновение, застывив всех присутствующих, в том числе и короля, и Анри. Встав, девушка сказала певучим голосом, напомнившим трель райской птицы:

– Как интересно, герцог, я не думала, что в королевстве ещё остались благопорядочные города и горожане!

В ответ он наклонился над её кистью, поцеловал кожу и незаметно вздохнул. Да, это она – та, которую Карл желает выдать за брата замуж. Но!

Сюрприз, сюрприз...

– Графиня призналась нам, что давно влюблена в тебя, Анри, поэтому мы приняли логичное решение: сочетать вас законным браком. Анри! Благодарю же нас!

– Ваше Величество... – Анри замялся, будто подыскивая слова. – Мне лестно ваше внимание к моей низжайшей особе, а тем более лестно внимание прекрасной графини Сен-Жермен, но мне придётся снова и снова молить вас о прощении!

– Что такое? – насторожился Карл. Анна согнула улыбку с губ, и Анри показалось, что из её рта готово вырваться заклинание, которое превратит его в жабу. Но он мужественно изобразил на лице раскаяние и продолжил:

– Дело в том, что ещё до того, как я получил депешу королевским фениксом, так случилось, что...

– Не томи нас, де Санси, – процедил Карл сквозь зубы, и его взгляд превратился в острые кончики кинжалов. Нет, братец, не коли глазами, совсем не страшно. Если бы это был первый раз – Анри наложил бы полные штаны, но такое уже случалось раньше. Карл изволил гневаться и быстро остывал. Остаётся надеяться, что и в этот раз всё пройдёт гладко.

– Моё сердце воспламенилось жаркой любовью, Ваше Величество, и я женился, – скорбно закончил Анри. – Но, как только феникс принёс мне ваше послание, я сей же момент вскочил на коня и чуть было не загнал его, чтобы поскорее пасть к вашим ногам и вымолить прощение за непозволительную самостоятельность!

– Как? Вы женаты, мессир? – Анна на миг растерялась.

Похоже, она уже считала себя герцогиней де Санси и теперь почувствовала жестокое разочарование. Простите, графиня, ничего личного. Но она уже оправилась от удара и улыбнулась одними губами, показав белоснежные жемчужные зубы. – Не верю, вы шутите! Не так ли?

Анри дёрнул уголком рта, хотя улыбкой это тоже назвать было нельзя, и стащил перчатку с правой руки. Его кисть вспыхнула ясным искрящимся светом, объявшим кожу от пальцев до предплечья, и медленно потухла, явив глазам короля и графини затейливый узор из переплетающихся линий, цветов и листьев. Свадебная перчатка, совершённый обряд, женат, миледи, виновен, каюсь.

– Де Санси, следуй за нами! – тихо рявкнул Карл и, развернувшись на каблуках туфель, быстрым шагом направился к двери, которая вела в вестибюль его личных покоев. Отсалютовав Анне кивком, Анри поспешил за королём.

Карл был в гневе. Не дождавшись лакея, пинком отворил дверь, прошагал прямо к столу и одним махом снёс с него бумаги, письма, графин с коньяком и бокалы. Жалобное дзынь заставило Анри вздрогнуть. Именно так, не думая ни о чём, братец может снести голову любимого принца крови... Но эта мысль только заставила Анри выпрямиться и выше поднять подбородок. Да, король, да, в ярости. Главное – переждать первый удар.

– Что ты себе позволяешь, де Санси?! – крикнул Карл, повернувшись лицом к брату. – Как ты посмел жениться без

нашего позволения?!

– Простите, Ваше Величество, сердце не может ждать позволения, даже если это позволение монарха, – скромно ответил Анри.

– Она хоть красивая? – небрежно спросил король уже тише. О да, битва выиграна! Но красива ли его жена? Ведь Анри так и не решился взглянуть ей в лицо. Кашлянув, он ответил уклончиво:

– Красота в глазах смотрящего, Ваше Величество.

Карл Семнадцатый прищурился, долго разглядывал принца крови, потом вздохнул:

– Что ж, мы не можем долго сердиться на тебя, де Санси. Но впредь не совершай подобных ошибок, ты понял нас?

– Как вам будет угодно, Ваше Величество.

– Графиня Сен-Жермен была бы лучшей партией для тебя. Если ты понимаешь, о чём мы говорим. Ты же знаешь, кто её отец, не так ли?

Анри кивнул, подобрав осколок графина. Карл хлопнул в ладоши, и тут же из-за портьеры появился лакей.

– Вина! – приказал король. – Де Санси, её отец даёт за дочь сто двадцать тысяч луидоров. И ещё сто тысяч в случае рождения здорового жизнеспособного наследника. Быть может, ты передумаешь? Мы обратимся к кардиналу за аннуляцией твоего брака... Если ты ещё его не консумировал...

– Уже, Ваше Величество, – с покаянным видом соврал Анри. – Увы.

– Что ж, такова жизнь, – философски подытожил король. – Однако, нам кажется, что Анна слишком разочаровалась. Мы не советовали бы тебе оскорблять род Сен-Жермен. Последствия могут быть непредсказуемыми.

– Я люблю риск, – Анри показал зубы в улыбке и тут же получил в лоб приказом:

– Мы желаем лицезреть твою супругу. Изволь представить её двору как можно скорее.

Да-а-а, а вот теперь у него начнутся проблемы! Как найти женщину, которую он никогда в жизни не видел? А ведь Карл не отступится, с короля станется отправиться в замок де Сенси, чтобы исполнить своё желание. А супруга должна быть настоящей, иначе свадебная перчатка укажет на подмену...

Как быть?

Анри поклонился и сказал деревянным голосом:

– Как вам будет угодно, Ваше Величество.

Глава 4. В поисках незнакомого человека

Меня трясло.

Руки, которыми я сжимала поводья, дрожали так, что почти плясали на коленях. Лошади задирали головы, косили глазом, пытаюсь убежать от запаха крови, но он был на них, на сбруе, на дилижансе, поэтому они пугались и храпели, но послушно несли повозку по дороге.

В дилижансе умирала сестра Паулина.

Я была уверена, что не доведу её живой. Рана в живот всегда смертельна, нет от неё лечения. Но монашка с улыбкой на лице уверила меня, что теперь не боится уйти в вечность, раз причастие было принято и тайна доверена свидетелю её исповеди. А мне хотелось плакать. Сестру Паулину было жалко до боли в сердце. Ведь она больше никогда не увидит свою тайну...

Всхлипнув, я вытерла слёзы тыльной стороной руки и щёлкнула поводьями, крикнув на лошадей, как это всегда делал Ивон:

– А ну! Ходу, доходяги, ходу!

Головные прибавили рыси и стали сбиваться на галоп. Дилижанс закачало из стороны в сторону, но я, стиснув зубы, гнала лошадей, не обращая внимания на тряску. Сестре Па-

улине ещё хуже.

До монастыря Святой мученицы Теодории было недалеко. Не двадцать миль, а всего десяток. Он стоял на отшибе, в пригороде столицы, и с его огородов поставлялись свежие овощи на столы всей парижской знати. Сестра Паулина велела ехать по дороге до развилки, на которой будет стоять трёхсотлетний дуб, и свернуть направо, а там рукой подать до монастыря. А я всё время нервно вглядывалась в тёмную дорогу – не пропустить бы в таком галопе дуб, не проскочить бы развилку! Но нет! Вот он, роскошный красавец, раскинувший крону на несколько десятков пье над дорогой. Не сдерживая лошадей, промчалась мимо справа от него.

И услышала колокола.

Зловеще и заунывно они звучали: бам-м-м, бам-бам-бам-бом-м-м! и маленькие колокольчики вторили: бинь-бинь-бинь-бин-н-н! и затухающий отголосок: дилинь... дилинь... Через три сотни пье я увидела и остов каменного монастыря, надёжно укрытого за высокой оградой.

Осадив лошадей перед монастырскими воротами, я спрыгнула с облучка и бросилась к ним, заколотила кулаками в толстые доски:

– Помогите! Помогите! Она умирает! Сестра Паулина умирает!

От пережитых треволнений мои ноги подкосились, и я осела на землю, продолжая стучать. Слезы лились потоком, застилая глаза, которые и так плохо видели в темноте, поэто-

му я не смогла разглядеть тех, кто открыл мне. Но с облегчением отдалась в руки святых сестёр, рыдая уже от радости, что всё закончилось. Как во сне, чувствовала, что меня ведут куда-то, слышала цоканье копыт и скрип рессор дилижанса за спиной, дробный шёпот молитв... Меня усадили, пытались накормить, напоить. Но я смогла проглотить только лишь немного воды. Сестра Паулина с умиротворённой улыбкой на устах стояла перед внутренним взглядом. Я знала, что она мертва...

Но её похоронят в стенах монастыря на освящённой земле. Это то, чего она хотела. А я должна позаботиться о её тайне...

– Дитя моё.

Рывком подняв голову, я увидела перед собой мать-настоятельницу. У неё были живые и добрые карие глаза, они смотрели с таким сочувствием, что я едва не расплакалась уже от жалости к самой себе. Но сдержалась, встала и, наклонившись, поцеловала протянутую мне руку с печаткой святой церкви:

– Матушка, благословите.

Она перекрестила меня и взяла за руки:

– Благословляю, дитя моё, да будет твой путь лёгким. Можешь ли ты рассказать, что произошло? Как погибла сестра Паулина?

– Мы ехали вместе в дилижансе. На нас напали бандиты, всех ограбили и убили, а меня... Они собирались увезти ме-

ня куда-то.

Снова вспомнила страшное лицо бандита, который собрался развлечься со мной, и поёжилась, ощутив озноб. Мать-настоятельница взяла меня за плечи и повела по длинному коридору:

– Дитя моё, всё закончилось. Тебе нужно отдохнуть. Здесь, под сенью этих стен, ты в безопасности.

– Благодарю вас, матушка, – сказала с чувством. – Если позволите, я останусь до утра.

– Ты можешь остаться и дольше, не беспокойся о внешнем мире.

Со вздохом я покачала головой. Нет. Стать монашкой – это не моё предназначение. Я должна вернуть замок и земли, вернуть титул, позаботиться о братьях и сёстрах. Поэтому повторила хоть и вежливо, но очень твёрдо:

– Благодарю, матушка, этот путь не по мне. Я воспользуюсь вашим гостеприимством лишь на ночь.

– Это мы все благодарим тебя за то, что привезла нам тело сестры Паулины, не оставила его на поругание.

Мне открыли келью, где, кроме жёстких деревянных полатей, была лишь икона на стене и горела зажжённая под ликом божьим лампадка, и я вошла, присела, не заботясь о двери. Здесь мне ничего не грозит, но смогу ли я уснуть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.